

В а с и л ь М а х н о

Б Р У К Л И Н , 42 - я У Л И Ц А

1

Бруклинская 42-я улица в Боро-парке — непривлекательная и однообразная, как и все прочие улицы рядом. Зимой — более чистая, чем летом. Осенью — более теплая, чем весной. Промзоны, — от побережья Нью-Йоркского залива, — Сансет-парк и кладбище Зеленого леса — вцепились в нее, как пьяные дружки, чтоб, не дай Бог, она от них не слиняла. На нее натываются, точнее, ее пересекают мексиканская 5-я авеню, китайская Восьмая и хасидская Тринадцатая, а в одном месте над ней висит металлическое сооружение сабвея, которое накрывает собой весь Нью-Утрехт. А остальное — все, как и везде: прачечные, лавочки, пекарни, парикмахерские, школы, костелы, синагоги, дома, — и одинокие машины, которые, казалось, никогда не двигаются с места, и жители, которые, казалось, никогда не умирают.

С холма Сансет-парка открывалась панорама бухты, виднелся шпиль католической церкви и доносился шум 5-й авеню. Пятая была заселена латиносами, тут продавали сомбреро, ковбойские сапоги, а на оструганных палочках — желтое очищенное манго в форме распустившегося цветка. На склонах парка мексиканцы с ранней весны и до поздней осени играли в футбол, на который смотрели их многодетные семьи, попивая холодные напитки, заедая время вареной кукурузой. У мексиканцев времени было много, может, поэтому они постоянно ели и постоянно играли в футбол. В футбол они играли даже речью, бросая круглые слова друг другу в лицо, с широкими улыбками кукурузных зубов. Ресторанчики на 5-й авеню пахли соусом чили, каблукки блестели медными подковами; плакали дети и кричали женщины. На религиозные праздники они устраивали процессии со щекочущим ухо пением, с иконой Гваделупской Девы Марии во главе. Процессия растягивалась на несколько кварталов, и празднично одетые прихожане разбрасывали перед образом, который несли четверо мужчин на деревянных носилках, красные цветы и растаптывали их тысячами своих

ног. Путь процессии был устлан пережеванной массой цветов — словно обозначая этим начало ее и конец, то есть жизнь и смерть.

Затем, оставив певунов-мексиканцев и их музыкальную и кислосладкую, словно спелое манго, 5-й авеню, идя под гору и миновав ничем не приметную Седьмую, попадаешь в Китай. Если это конец января, то китайский Новый год выйдет вам навстречу, но если вы не успели, то красные полосы реклам с золотыми иероглифами будут рекламировать только что зажаренных пекинских уток, выставленных на крюках в широких окнах ресторанов, или дешевые китайские товары в прижатых один к другому магазинчиках. Сухие, как листья табака, китайцы, почти не говоря по-английски, будут зазывать в свои лавочки. Тут такая же суета. Точно такие же пускающие слюни со сна дети на увядших руках своих матерей. Китайцы в футбол не играют, зато много курят, сигареты — китайские, дешевые и вонючие. Они курят и режутся в карты, они громко выкрикивают, они пахнут жиром откормленных уток и лаком для мебели. В китайских овощных лавках продают разные приправы и зелень, вокруг этих лавок китайские пряности сбивают прохожих с ног и забивают им носы ароматами. Запах рыбы длинным хвостом плетется за вами, ударяя наотмашь, как только что пойманный карп, скользкий, с окровавленными жабрами. 8-я авеню никогда не спит, не выключает свет, не прекращает работу, не перестает заниматься любовью и рожать детей, не перестает быть китайской даже тут, в Бруклине, так научил их Конфуций.

Когда перед Рош Ашана запекают яблоки в меду и когда по всем синагогам трубят в шофар, евреи приходят на реки, чтобы помолиться, потому что в эти дни решается на небесах, кому жить, а кому умереть, поэтому самая полноводная река хасидов в Бруклине, которая плывет в воздухе и плывет через их сердца и желудки и куда они приходят чаще всего — 13-я авеню. 13-я — место жизни и хаоса, магазинчиков с бриллиантами и золотом, кошерных ресторанчиков, швейных и часовых мастерских. меховыми шапками и шелковыми халатами устланы пути к синагогам, а слово, вычитанное в Талмуде, носят, будто куриное яйцо, осторожно, потому что оно теплое и белое. И качаются бороды и пейсы над страницами Талмуда, и вычитываются золотые слова, и ежесубботне надеваются мужчинами выглаженные и накрахмаленные белые рубашки, а на обритые женские головы — новые парики, зажигаются в хасидских жилищах свечи в серебряных канделябрах. И наливаются вино, и смеются дети, и колышется 13-я авеню от пения до пения, от

белой халы до белой халы, от запеченной курицы до фаршированной рыбы. И рабыни, и талмудисты благословляют эту жизнь и ожидают Мессию уже пять тысяч лет.

2

Кирпичный дом с коваными черными дверями и тяжелым замком стоял в сплошном ряду похожих зданий, ближе к 9-й авеню. Следующий дом, которым завершался отрезок 42-й улицы, между 8-й и 9-й авеню, — заброшенный: окна и входные двери забиты толстой фанерой, а в дыры, образовавшиеся от жары и дождей, пролезали еноты и атлантические ветры. В этот дом с фанерными глазницами иногда наведывались его хозяева с инспектором, проверяя на прочность фанеру — не пролез ли кто внутрь и не свил ли там себе гнездо. По окрестностям шатались наркоманы и бомжи, которые выискивали такие дома, селились в них, пока полиция принудительно не забирала их в ближайшую ночлежку. На углу 42-й улицы и 9-й авеню, с фанерной катарактой и неприятным запахом внутри, дом ожидал своих жильцов и своего часа. 859-ый, наоборот, был загружен по горло. В нем если и пустовали одна-две квартиры, то для них быстро находились новые постояльцы.

Над черными дверями у фасада виднелась надпись «Leonard Court». Внутри же, в длинном коридоре, мощенном белой мозаикой с двумя рядами коричневых полосок, которые окантовывали коридорную дорожку, было две лестницы. Одна — слева, почти при входе, вела в северное крыло, а другая — в конце — в южное. Вместе с соседним домом 859-й составлял внутренний дворик, двери в который были наглухо закрыты. Внутренний дворик можно было видеть, поднимаясь к квартирам обоих крыльев дома — северного и южного. Из северного крыла лучше был виден пустой квадрат внутреннего дворика, не имевшего иного предназначения, как служить местом, куда жильцы выбрасывали мелкие кухонные вещи, поломанные стулья, бумажные пакеты, а над его ямой натягивали веревки для белья, прибивая нехитрую конструкцию к стене металлическими крюками. Развешивали белье, а высушив, притягивали с помощью валиков к своему кухонному окну, рамы которого пронзительно скрипели.

В северном стояке на каждом этаже было по четыре квартиры, а в южном — по три.

Дом принимал всех. На первом этаже жили две семьи — пуэрториканки бабушка Габриэла, мама Аманда и внучка Николь, и евреи из Латвии — два старика с белой собачкой и тележкой, на которой привозили себе продукты из супермаркета, Бася Моисеевна и Григорий Маркович. Из пуэрториканской квартиры постоянно звучала веселая музыка, а пуэрториканская бабушка, сорокапятилетняя женщина, подложив подушку, вечно высовывалась в окно, которое выходило на 42-ю улицу. Дом напротив был заселен ее земляками, в его окнах торчали женщины с такими же подушками — слушая музыку и вываливая свои женские прелести, пританцовывали. Пуэрториканки делились новостями, поварскими рецептами, не посещая друг друга годами. В пуэрториканском доме — напротив 859-го — сидел на ступеньках и пил кофе супер¹, он тоже слушал разговоры этих женщин и музыку. И два раза в неделю выносил черные полиэтиленовые мешки с мусором, — а потом снова садился на ступеньки пить кофе.

Две семьи из Бангладеш занимали второй этаж южного крыла. Когда проходишь этаж, от специфического запаха их кухни, доносящегося вместе с голосами жильцов этих квартир, переворачивало все внутри. Этажом выше, над бангладешцами, много лет назад, с какого времени — не помнил никто, поселились две американские семьи: двое стариков Джонсонов с дочкой Ненси, конченной наркоманкой, к которой как-то прибилась молодой наркоман Майкл. Ненси жила с Майклом, имея на руках четверо детей: шестнадцатилетнюю Марго, тринадцатилетнюю Сафаер и еще двоих — им было не больше шести и трех лет — Мери и Джонатана. Рядом с семьей Джонсонов, о чем свидетельствовала прибитая на дверях квартиры металлическая табличка, обитала метиска Аманда с мужем Джеком и их сыном, который с недавнего времени стал колотиться, разбрасывая на этаже одноразовые шприцы. Аманда их подметала и выбрасывала через окно в яму внутреннего двора. Ненси с Майклом часто курили марихуану в открытое окно между этажами, стряхивая пепел на лежащего в отключке сына Аманды, и кричали на своих детей, чтобы те не показывались в дверях квартиры. Старик Джонсон содержал всю семью, работая в каком-то медицинском учреждении водителем. Он парковал свой белый «шевроле», вываливался из кабины с пакетами, полными продуктов, сгребал их под мышку, одной рукой открывал двери дома и исчезал в темном коридоре. Внуки, словно голодные волчата, ожидали приезда деда, по-

¹Портье.

тому что их мама и отчим могли целый день простоять возле дома в сомнамбулическом состоянии.

На четвертом этаже северного крыла однокомнатную квартиру снимала Надежда с Ивано-Франковщины, лет сорока, приземистая, с сильными руками, так как перемыла половину хасидского Боро-парка.

— Та коза с Черчь говорила, что у нее есть какая-то полька на Грин-пойнте...

— И что?

— Ну, говорила, что за пять штук полька сделает фиктивный брак...

— Пять штук... ого!

— Гляди, китаезы снова смотрят боевик.

— Брюс Ли?

— А я их не различаю.

— Лучше бы порно хоть раз принесли.

— Какое порно, баран, у них дети.

Такой разговор можно было подслушать в доме с зарисованным вензелем, в квартире, которую снимали двое мужчин, Геник и Зеник, на последнем, четвертом этаже.

Они поселились тут пару месяцев назад, дав коменданту несколько сотен вперед, чтобы он придержал это жилье, пока они свалят из своего полуподвального. И в течение нескольких часов перенесли свои вещи в сумках и рюкзаках.

Увидев пустое пространство новой квартиры, поняли, что предыдущий ее обитатель оставил для них свой полуспортивный велосипед, белый комод с наполненными электроникой ящиками и несколько бутылок пива в холодильнике. «Торопился пацан», — сделал вывод Геник, стоя посреди большой комнаты, пахнувшей предыдущим жителем и тараканами. Потом догадку Геника подтвердил супер, шестидесятидвухлетний ленинградец Коля, зайдя к новым постояльцам проверить, как они устроились, и отдать им ключи. По словам Коли, тот пацан не платил вот уже полгода, но зимой его ведь не выбросишь, поэтому ожидали весны, а пацан не дурак — смылся. Зеник, руммейт Геника, чтобы отвести подозрение, что они с Геником тоже временно, предложил суперу выпить пива. Он достал из холодильника «Будвайзер» и выпалил свой любимый тост — за фиг с нами и хрен с ними, — и первым открыл металлический язычок жестянки. Супер, нахваливая преимущества именно этой квартиры, показал на кухонное окно:

— Пока у вас нет телевизора, можно будет смотреть у китайцев.

— А звук? — поинтересовался Зеник.

— Немое кино, пацаны. Эдик, который тут жил до вас, всегда смотрел китайские фильмы на халяву.

Прощаясь, уже на пороге, Коля, показывая на соседнюю квартиру, предупредил, что соседский сын — наркоша и спит на лестнице. Его родители домой не пускают, поэтому надо переступить и не бояться.

С момента переселения Геника с Зеником прошло жаркое бруклинское лето, и наступила осень. Каждое утро они вставали и куда-то шли. Геник спешил на Тринадцатую в овощной магазин, где работал у хасида Дейвида. В принципе работа была не тяжелой — Геник целый день раскладывал овощи, выбирал гнилые, а когда хасид отлучался на обед, к гнилым добавлял качественные — и вечером забирал домой. С Геником работали кассир Педро и поляк Лешек. Поляк был в том же статусе, что и Геник, но он работал у хасида давно. Хасид целый день сидел на высоком деревянном стуле и наблюдал за покупателями и своими работниками. Иногда он, после телефонного разговора, давал указание, кому везти заказанные продукты. Геник брал тогда тележку, так как Лешеку это было в падлю, нагружал бумажными пакетами и развозил заказы по адресам. Получал чаевые и возвращался в лавку. Педро и Лешек каждую неделю после завершения шаббата открывали магазинчик в десять вечера и целую ночь были одни. Утром, в понедельник, приходил хозяин-хасид, пересчитывал ночную выручку, расспрашивал о покупателях, а затем шел в небольшую каптерку и смотрел видео. Геник появлялся в понедельник утром, когда Дейвид уже сидел на своем стуле, в белой рубашке, из-под которой висели френзли талеса, и читал молитвенные книги. Дейвид с Геником вообще не разговаривал, потому что Геник не петрил по-английски, — все распоряжения он передавал через Лешека.

Зеник каждое утро шел строить Нью-Йорк. По дороге он покупал кофе и направлялся в Нью-Утрехт. Там, возле детской площадки, приблизительно в семь часов утра его подбирал размалеванный минивэн.

3

Геник с Зеником прошли по платформе сабвея до конца перрона и стали ждать поезда. Это была обычная бруклинская станция — «9-я аве-

ню». С облупившейся краской на стенах и ржавыми трубами коммуникаций. Было ветрено. И, как всегда в октябре, дождало. Бруклинское небо продырявленным решетом испускало дождь, как простуженный пузырь — мочу. В конце платформы молодая крыса упрямо возилась с бумажным пакетом возле металлической бочки для мусора, который за ночь не успели вывезти, но на нее никто не обращал внимания. Одиночные пассажиры, ожидая поезда, смотрели, как мокнут напротив цементный завод и несколько деревьев с табличкой, указывавшей на то, что перед ними парк. Станция находилась на поверхности и была отгорожена металлической сеткой.

— Всегда вынужден выбирать это долбанное место, — недовольно сказал Геник.

Они ожидали поезд в направлении Манхэттена.

Прошло полчаса с тех пор, как Геник с Зеником вышли из дома, но их задержали полицейские машины, перегородившие 42-ю улицу. За полицией примчались несколько пожарных и скорых из госпиталя Маймонидес. В соседнем доме умер двадцатилетний наркоман, его нашли на ступеньках между этажами. Люди вышли и, не обращая внимания на дождь, молча смотрели, как пожарники вынесли на носилках в целлофановом мешке покойника и поместили в скорую. Пока толпа еще стояла, возле подъезда появились свечка и скромный букетик цветов. Табун таких же двадцатилетних, как и тот, что отдал концы, пришел из окрестностей Боро-парка, они зажгли свечку и, усевшись на припаркованные машины, поминали дружка, покуривая марихуану.

Чайка, вскрикнув над путями, отлетела в сторону океана, а под колесами вспыхнули искры, и раздался пронзительный скрежет поворачивающего в этом месте поезда.

— Ты думаешь, она поможет?

— Поможет, не поможет, но попробовать можно.

Геник с Зеником вошли в вагон, в котором от человеческого тепла изнутри запотели окна. Казалось, дождь заливал весь мир. Китайцы, как всегда, заняли все места, поэтому Геник, в рваных джинсах, оперся о двери вагона.

— Китаезы, — так называл Геник китайцев, — завалились, наверное, на 20-ю авеню — ну, блин, всюду их полно.

Он повернул свою массивную голову, усеянную горчичными веснушками, и забинтованной рукой протер рыжий зарост. Зеник, выровняв свои лопатки, словно ему не хватало воздуха, поддакнул, — и в этот

момент поезд прошмыгнул в туннель, а через некоторое время въехал на станцию «36-я улица».

Этот разговор произошел, когда Лешек с Геником в воскресенье, после шаббата, открыли магазин. Хозяин Дейвид приходил лишь в понедельник с утра, но в течение ночи кто-то должен был торговать. Как правило, Дейвид поручал это ответственное дело Лешеку с Педро, однако Педро приболел, поэтому Дейвид в пятницу, через Лешека, передал, чтобы Геник в воскресенье в десять вечера был в магазине.

Лешек, который теперь сидел на кассе на Дейвидовом стуле, сказал, что через неделю поедет в Канаду порыбачить. Сам он, то есть Лешек, не рыбак, но оторваться на канадских озерах — никому не повредит. По словам Лешека выходило, что он почти трижды в год пересекает канадскую границу и неделю балдеет на озерах. Несколько его дружанов из Торонто имеют все для хорошего отдыха: машины, палатки, удочки и даже охотничьи ружья. «Если хочешь, можешь поехать со мной», — предложил Лешек. У Геника не было никаких документов. Он так и сказал Лешеку, что не может, потому что никто его через границу не пропустит.

— Лажа такая... я из этого Торонто и приехал в Нью-Йорк. Сам знаешь, до 11 сентября через ту границу можно было перегнать стадо буйволов — и никто бы не заметил, — добавил Геник.

Лешеку не было видно Геника, так как тот, пригнувшись, перебирал апельсины и выкладывал в деревянные контейнеры.

— А ты не пробовал легализоваться? — зевнул Лешек.

Было уже полночь. И они должны были о чем-то разговаривать, чтобы не заснуть, хотя тут, на Тринадцатой, спокойно, но всякое может случиться. Дейвид для таких случаев оставлял Лешеку сто баксов.

— Никак не удастся, — долетал из-за ящиков голос Геника, — в паспорте нет печати о пересечении американской границы. Никто из адвокатов не берется за это дело.

— А знаешь, какая там рыба, на тех озерах? — И Лешек показал двухлитровую бутылку кока-колы.

Около трех ночи они решили перекусить, но не успели. Напротив магазина остановилась пожарная машина с включенными фарами, и пожарники открыли гидрант. Геник выбежал наружу, чтобы занести уже выложенные овощи, а вода, как петарда, подсвеченная огнями пожарной машины, заливала улицу и собиралась у канализационной ре-

шетки, снося уличный мусор. Один из пожарников зашел в магазин и что-то пояснил Лешеку, а Лешек пересказал, что у пожарного участка Боро-парка ночная проверка гидрантов.

— На Грине есть одно польское агентство.

И Лешек вынул из кармана телефон, записал на бумажке адрес и передал Генику.

4

До Гринпойнта доехали с приключениями, выйдя на станции «Лоример». Пересадка до Гринпойнта была на станции «Метрополитен», но Зеник, не досмотрев, ошибочно пошел к станции, с которой поезда отправлялись в противоположную от Гринпойнта сторону. В конце концов они потеряли почти час, прежде чем нашли трехэтажный дом на улице Нассау и позвонили в дверь. Их даже никто не спросил, кто они и откуда. Дверной замок загудел волосато, как шмель, и Геник с Зеником вошли в узкий коридор. От второго этажа до третьего резко тянулась вверх лестница. На пороге их встретила девушка. Она спросила, действительно ли они к пани Марье. Жилище, то есть агентство, состояло из двух комнат: из кухни, в которой Геник с Зеником теперь стояли, и комнаты, откуда на коляске выехала пани Марья. Девушка подкатила коляску к кухонному столу. А Зеник отошел к окну, давая понять, что его этот визит к пани Марье — не касается.

— Так по какому вы делу? — спросила пани Марья, держа в руках чашку чая.

— Ну, я от Лешека, из Боро-парка...

— Лешек, Лешек... кто это?

— Из Боро-парка, — повторил Геник.

— Ну, хорошо, не важно.

— Лешек говорил, что ваше агентство может сделать фиктивный брак...

— А почему пан не обратится к адвокатам?

— Так я нелегально перешел американскую границу...

— Откуда?

— Из Канады... поэтому в паспорте нет ни одной отметки, а без этого адвокаты не берутся за дело.

— А где пан работает?

— У Дейвида, на Тринадцатой. Вместе с Лешекком.

Пани Марья развернула коляску и поехала в свою комнату, закрыв за собой двери. Вернулась она минут через двадцать, подъехав к столу, взяла в руки чашку с чаем — и начала пить. Геник подумал, что старушку выпустили из сумасшедшего дома. На ней была красная юбка, толстый шерстяной свитер и белые кроссовки со стоптанными задниками — тапочки или вроде того. «Как она поднимается на этот третий этаж, тут коляской не въедешь. Кто-то ее должен спускать и поднимать. Ну, не эта ведь девушка, с которой перешептывается Зеник».

— Сейчас свободна только Госька.

— А сколько ей лет?

— Прошу пана, но пан женится только ради бумаг. Или пан еще хочет лечь с ней сразу в постель?

— Да, да, ради бумаг.

— Ну, так дело выглядит так: Гоське сорок пять лет, гражданка Штатов. Если договоримся о цене, то пан должен хотя бы первые месяцы бывать с ней вместе и делать фотографии. Эти снимки надо каждые два месяца посылать в департамент, чтобы доказывать, что вы действительно вместе живете. Ну, договоритесь, как оно будет. Все стоит пятнадцать тысяч. Первая часть гонорара — перед росписью в городском отделе регистраций, вторая — перед получением грин-карты. Все может продолжаться два-три года. Но прошу пана обратить внимание, что это очень удобно: после оплаты первой части гонорара, вторую можно собрать за эти три года.

Геник посмотрел внимательно на пани Марью и увидел, что зеленый листочек чая пристал к уголкам ее сморщенных губ. «Пятнадцать штук... ни хрена себе», — просвистело в голове у Геника.

— Завтра до десяти утра прошу пана дать мне знать, что пан будет делать. У пана есть мой телефон?

— Есть, — ответил Геник и, кивнув Зенику — дескать, заканчивай, — распрощался с пани Марьей.

Ненси с Майклом стояли на углу 42-й улицы и 9-й авеню, когда Геник с Зеником вернулись из Гринпойнта. Геник даже обрадовался, увидев Ненси и Майкла, ему полегчало. Ощущение дома, что ли? По дороге они с Зеником купили ящик пива, - две бутылки, поравнявшись с соседями, Геник вручил Ненси, которая воскликнула: «Cool», а потом их с Зеником догнала фраза Ненси: «Я всегда тебе говорила, сукин сын,

что эти из Европы — классные чуваки». Майкл что-то пробормотал, по-хоже, согласился.

Зеник готовил ужин, а Геник, стоя у окна, держал в руках две тарелки и две вилки, подглядывая, как китайцы укладываются спать. Китайцы поужинали: двое стариков, молодая пара и их дети. Старая китайка мыла посуду, а молодая протирала стол. Старик с молодым курили в открытое окно, с внешней стороны которого на одном краю прикрепили пепельницу, а на другом — какую-то жестянку для кормления птиц.

— Ну что, жених?

— Буду искать деньги.

— Правильно, а что, умирать нелегалом?

— Две с половиной штуки есть, остальные — одолжу.

5

Гоську, поворачивавшую на Диленси к мосту Вильямсбург, настиг телефонный звонок. Она притормозила и правой рукой нащупала телефон во внутреннем кармане куртки. Ее седан получил вдогонку пронзительные сигналы торможения машин, которые выметались с Манхэттена в Бруклин. Госька ответила «слушаю» и нажала на газ.

У Госьки было все, но не было прошлого. Еще с Франции, куда она выехала учиться. Отец с мачехой только перекрестились, когда Госька оставила их в покое, а шестилетний сводный брат забыл ее, как только за ней закрылись двери квартиры в провинциальном польском городке. В университете Люблина она нашла француза, который помог ей переехать в Париж и за государственные деньги проучиться один семестр в 10-м университете, изучая одновременно французский и искусство. Потом деньги у французского правительства закончились, и Госька оказалась официанткой в баре на rue Trousseau между станциями метро Ledru-Rollin и Faïdherbe — Chaligny, почти в центре Парижа. В Штаты Госька приперлась с одной сумкой; ее удалось отвоевать у Паскаля, хозяина бара, который часто закрывался с ней под утро на кухне. Когда у Госьки вызрел план смыться в Штаты, она воспользовалась чрезвычайным положением 1980 года и, благодаря мягкой политике Госдепартамента, получила полугодовую визу в Штаты.

В последний раз Госька пришла в бар за несколько часов до своего отлета. Сказала Паскалю, что вынуждена поехать провести тетку. Ока-

зывается, у нее нашлась французская тетка, ну, точнее, не тетка, а родственница отца по его брату, который выехал во Францию еще в 1920-х на работу в угольные копи. Госька попросила в долг деньги, чтобы через неделю возвратить. Вылетая из аэропорта «Шарль де Голль», она в последний раз плюнула на парижский асфальт, выкурила дешевую сигарету и, смеясь до нервного припадка, представляла, как этот болван из бара будет ждать ее долг, как будет искать ее по съемным квартирам, вызванивать ее друзей. А она, Госька, в это время уже будет коптить своими сигаретами нью-йоркское небо.

Звонила Марья. Старая кляча — как называла ее Госька, — державшая свое агентство для сомнительных делишек, вернее, она искала разные работы и разные способы заработать на приезжих, которых ужасала Америка и перед которой они какое-то время были беспомощны. Госька давно все это прошла. После того, как умер ее муж, старый американец, и ей удалось отсудить какие-то акции компании Shell, а также полдома в Нью-Джерси, остальную часть наследства получила его дочь и несколько организаций, к которым старый идиот принадлежал. Половина нью-джерсийского дома не приносила Гоське никакой прибыли, тем более что другая половина принадлежала дочке ее старичка, считавшей Гоську подлой сучкой, воспользовавшейся положением ее отца, тоже сучьего сына, который позволил уговорить себя на брак и переписать завещание в адвокатской конторе за месяц до смерти. Поэтому Госька обитала на Манхэттене, в однокомнатной квартире на Бродвее, на приобретение которой пошла вся прибыль от акций, а дом в северном Нью-Джерси никак не продавался. Деньги ей были нужны как воздух. Выходит, что Марья позвонила вовремя.

— Украинец? — молотила в трубку Госька. — Курва, какой украинец, Марья? Что ты там выдумываешь? Завтра позвонит? И что? Сколько мне? Сколькooo? Марья, ну что я, идиотка, курва? Старый? Молодой? А что там, в Украине, так плохо? Нет, Марья, не хочу больше ничего слышать. Завтра позвони. Ну, пока.

Маргарет Вествуд, некогда Малгожата Шимковска, съехав с хайвея, отправилась по пустым улицам в направлении Грина. На первой же заправке Госька решила заправить машину. Сикх в черной болониевой куртке спросил: «Сколько?» — «Полный», — ответила Госька.

В субботу Геник ехал на своем Crown Victoria мимо Сансет-парка ко 2-й авеню. В промзоне над Восточной речкой жались друг к дружке сотни всяких складов и автомобильных мастерских. Он договорился о встрече с одним механиком, ремонтировавшим его старую машину. С этим механиком, Гришей, который приехал по гуманитарному пароллю¹ из Беларуси, Геник познакомился в свои первые нью-йоркские дни, когда на китайском рыбном складе работал грузчиком рыбных продуктов. Из огромных холодильников выносили замороженную рыбу и грузили в небольшие рефрижераторные машины, развозившие ее затем по бруклинским и манхэттенским рыбным магазинам. Тогда Гриша говорил Генику, что его мечтой в Америке остается автомобильная мастерская. Гриша был женат, имел официальные документы и спустя некоторое время оставил рыбный склад, потому что, говорил, нашел новую работу. Купив старый пикап, ездил по вызовам ремонтировать школьные автобусы, на которых ортодоксальные евреи возили своих детей в ешивы. Геник встретил Гришу полтора года назад, на стоянке возле супермаркета в Нью-Джерси. Разговорились. За время, которое они не виделись, Гриша стал совладельцем мастерской, а Геник купил перепроданный многократно седан Crown Victoria. И Гриша, профессиональным взглядом окинув машину Геника, предложил свои услуги, если понадобится: то есть, сказал тогда Гриша, для тебя — скидка. Они обменялись телефонами. Геник и правда несколько раз заезжал в Гришину мастерскую.

Проезжая 4-ю авеню, Геник проскочил на красный свет и посмотрел в зеркало. К счастью, полицейских не было. Он ехал к Грише в надежде одолжить деньги на фиктивный брак с Госькой. Гриша был первым в списке, составленном Геником. Надо было семь с половиной штук баксов, чтобы пани Марья познакомила его с Госькой. Далее — все формальности в нью-йоркском Сити Гол. И за каких-то максимум два года у него на руках окажется грин-карта, с которой можно будет ездить в Канаду с Лешekom на рыбалку, посетить Украину, не бояться полиции и не ждать депортации. «Только бы Гриша одолжил, только бы не отказал», — почти молился Геник. Мастерская Гриши была небольшой, с двумя автоматическими подъемниками. Геник вошел внутрь помещения. Гриша рассматривал днище «форда», под-

¹ Специальная виза для беженцев.

свечивая себе специальной лампой. Они поздоровались. Гришин напарник, открыв капот ободранного минивэна, ковырялся в моторе. В мастерской пахло разными маслами, по углам стояли пластиковые бочки для мусора. Гриша показал, что Генику придется немного подождать, и снова полез под машину, которая стояла на подъемнике. Геник не торопился, вышел из мастерской, сел на левое крыло Crown Victoria и закурил.

С Гришей Геник разговаривал минут двадцать. Вытягивал из себя слова и смотрел, как чайки залетают со стороны океана в промзону. А Гриша смотрел, потупясь, в землю, сохраняя на лице веселую улыбку.

— Если составим договор о долге у адвоката — две штуки у тебя в кармане.

— Спасибо, мне надо через неделю.

— Прекрасно, как раз мой адвокат возвращается с Карибов, я позвоню.

Геник облегченно вздохнул и стиснул Гришино плечо.

И ехал по 2-й авеню, напевая.

7

Госька сидела в парикмахерской на Грине и читала польские журналы. У нее было достаточно времени, чтобы поужинать в ресторане и встретиться с Вальдеком. Парикмахер уже расчесывала подстриженную Госькину голову и рассказывала об очередном сериале, который показывает Польша. До ресторана идти — всего несколько блоков, но Госька решила купить в ближайшем магазинчике пачку сигарет, а заодно и несколько видеофильмов.

С Вальдеком они ужинали два-три раза в месяц.

После того как умер ее старик, Госька успела проучиться два семестра в Нью-Скул. Тогда у нее еще было достаточно денег и много свободного времени, с которым она не знала, как справиться. С одним американцем Госька потащила на Вирджинские острова, записалась в школу верховой езды и играла на нью-йоркской бирже несколькими десятками тысяч. Каждое утро включала компьютер, находила свой счет на бирже, затем читала «Уолл-стрит-джорнел», который подбрасывали ей под дверь, и делала ставки. Еще у нее был консультант, которому она платила ежемесячно несколько сотен долларов. Однажды

даже переспала с ним, но после этого решила слушать его консультации по телефону.

Госька просыпалась поздно, варила кофе по венскому рецепту, добавляя немного соли с сахаром. Затем звонила швейцару и просила газету. Даже при своем старике, которого она встретила в консульстве на вечеринке, устроенной для польского документалиста, приехавшего показывать свой фильм на кинофестивале Трайбека, Госька держала форму. После Парижа и удачного замужества она занялась физическими упражнениями — ходила в спортзал за три квартала от своего дома. Молодой тренер разминал Гоське мышцы, массировал икры и ягодицы, учил качать пресс. Афроамериканец приглашал к себе на Флетбуш¹, но Госька еле отцепилась от него, отменив свой годовой абонемент, за который пришлось заплатить пеню. Боялась, что старик мог бы узнать о ее романе с тренером. А когда старика хватил удар, Госька занималась судами и адвокатами, перепиской с его дочкой и ее детьми, обзывавшими ее последними словами. Но по решению суда и завещанию на ее счету оказалось около трехсот тысяч баксов. С биржи тоже что-то капало, и думать о завтрашнем дне Гоське совсем не хотелось. Все произошло неожиданно и внезапно, когда утром позвонил Госькин финансовый консультант и посоветовал продать все ее акции, так как ожидался обвал. Пока Госька варила свой утренний черный кофе, добавляя в кофеварку соль и сахар, акции обвалились так, что, включив компьютер, она поняла, что у нее — одна десятая того, чем она владела еще вчера. Госька расплакалась. У нее осталась еще пристойная пенсия покойного старика, на которую можно было неплохо жить, но с лошадьми и круизами пришлось распрощаться. И Госька почувствовала себя так, словно она только что прилетела в Нью-Йорк, — когда тяжелое нью-йоркское небо придавливает к самой земле. От отчаяния она позвонила в Польшу, своей приятельнице, и говорила с ней несколько часов. Та рассказала Гоське о смерти ее отца, о которой мачеха не сообщила, и о нескольких одноклассниках, оставшихся влачить жалкое существование в их городке.

— Но, курча, тебе и так пофартило, Гося! — пела из Польши ее приятельница.

— Ну да, да, но ты не можешь представить, какая тут жизнь...

— Не то, что у меня — двое детей, маленькая квартирка, окна которой выходят на железнодорожные пути, а мой всего лишь, курча, пу-

¹Район Бруклина.

теобходчик. Всю жизнь наше жилье трясет от этих чертовых поездов. Даже когда мы занимаемся любовью, мне кажется, что нас раздавит поезд, Гося. Ну, такие, твою мать, дела.

Сегодня, ужиная с Вальдеком, Госька думала, как ему сказать о будущем фиктивном браке. Вальдек был ее любовником вот уже несколько лет. Он занимался ремонтом домов. Компания называлась Wladyslaw's Construction. Вместе с ним работали трое поляков, которые от Нью-Джерси и до Коннектикута принимали заказы у частников на разные строительные работы: залить смолой крышу, починить бетонное покрытие, соорудить какую-нибудь пристройку или веранду к дому, а также не отказывались и от внутренних ремонтов. Жена Вальдека проживала где-то на востоке Польши, где точно — Госька никогда не расспрашивала. В Нью-Йорк жена приезжала каждый год на три месяца, и тогда Госька была свободна от Вальдека. С ним тут, в Штатах, обитала его старшая дочка, но, по словам Вальдека, дочка Марыся жила своей жизнью и в дела Вальдека не вмешивалась. Для Госьки, по сути, Вальдек был никем.

— Вальдек, слушай, — начала приближаться к сути дела Госька. — Я вынуждена буду уехать на некоторое время из Нью-Йорка, может, на год...

— Ты возвращаешься в Польшу? — спросил Вальдек, поливая итальянским соусом салат.

— Не то что возвращаюсь, — продолжила Госька, — но на некоторое время мы должны будем прекратить наши встречи.

— А почему? — недовольно спросил он.

— Ну, знаешь, любимый, есть вопросы, которые мне необходимо немедленно решить.

— Что случилось, Гося? Тебе что-то не нравится в наших отношениях?

— Вальдек, перестань. Ты знаешь, что ты для меня мужчина, о котором я всегда мечтала, но есть дела, которые выше наших желаний, так говорил ксендз, который венчал моих родителей.

Они вышли из ресторана, и Госька, открывая двери своей машины, помахала Вальдеку на прощание. Уже в машине, откинувшись на спинку кресла, сказала вслух: «Исусе, какой же он тупой».

Следующим, к кому хотел навеститься Геник, чтобы поговорить о деньгах в долг, был его знакомый Петр, из Дилятина. Петр снимал квартиру на той же 42-й улице, но ниже — между 9-й и 10-й авеню. С Петром Геник виделся нечасто, но когда-то записал его мобильный телефон. Сегодня была суббота, и Геник надеялся вычислить Петра без проблем. Выглянул в окно, увидел затянутое серыми тучами небо и отказался от мысли идти на 8-ю авеню в прачечную. Нашел в записной книжке телефон Петра и набрал цифры. Петр ответил.

- Кто это? — спросил Петр сухо.
- Петр, это ты?
- Я, а кто это?
- Это я, Геник. Слышишь, можем увидеться?
- Сейчас нет, — ответил Петр.
- Но... дело срочное.
- Не могу. Сегодня празднуем День Дилятина.
- Какой день?
- Дилятина. Сейчас все наши собираются в кафе.
- Ну, всего лишь пять минут.
- Хорошо, приходи — к началу, пока я не напился.

Они еще немного поговорили, и в окно ударили первые капли густого дождя. Но минут через двадцать тучи сбились над Восточной речкой, и Боро-парк залил солнечный свет. Улица, по которой шел Геник, была знакомой — по ней он ходил в лавку Дейвида.

Изредка проезжала какая-нибудь машина, и подростки, как всегда, играли посреди улицы баскетбольным мячом. Он миновал 10-ю авеню. Вынул бумажку и еще раз удостоверился, что должен по своей 42-й дойти до 13-й. «И никуда не сворачивай, только прямо и только по 42-й улице», — вспомнил он указание Петра. Геник, идя по тротуару, видел сидящих в деревянных креслах молодых и старых евреек в праздничных платьях. Молодые — беременные, с большими животами, которые они словно специально грели под сентябрьским солнцем, а старые — с молитвенниками в руках, подслеповато жмурились от солнца и близорукости. На 13-й Геник вдохнул сладкий летний воздух — с привкусом халвы, будто залетевший сюда из детства.

День Дилятина праздновали веселой компанией в ресторанчике на 13-й авеню вблизи от 39-й улицы. Петр стоял у входа и курил, и Геник по-

думал, что ему повезло: с Петром можно было еще поговорить. Потому что все, кто был знаком с Петром, знали о его существенном недостатке: когда он напивался — грыз стеклянные стаканы и бросал их о стены.

— Здорово, Геник, — первым произнес Петр.

Они пожали друг другу руки и обнялись. С Петром Геник не виделся с зимы, хотя жили на одной и той же 42-й улице. Из ресторана стали выходить разогретые алкоголем и танцами делятинцы. Сначала мужчины, которых Геник когда-то встречал то в магазине, то в прачечной или даже в церкви, а потом женщины — их было так много, что Геник подумал, будто весь Делятин выехал в Бруклин.

— Петр, тут у меня одно дело, как бы это тебе покороче сказать...

— Нужны деньги?

— Две тысячи...

— Не могу, поверь.

— Ну, всего две.

— Не могу. Каждый месяц высылаю в Делятин, и тут у меня баба, с которой живу. Ничего не откладываю. В Делятине строю дом, ну, и тут должен на что-то жить.

— Понятно...

— Да ты не обижайся, просто нет лишней копейки.

Прощаясь с Петром, Геник заметил Надежду из своего дома, которая тоже вышла покурить.

За день до свадьбы Геника и Госьки Зеник пришел из Нью-Утрехта и сказал, что сгорел Си Таун, магазин, в котором они покупали продукты. Китайцы, говорил Зеник, тащили все, что могли, пока не приехали пожарники и полиция. После регистрации брака Геник хотел устроить небольшую пьянку, и поэтому Зеник бегал по магазинам, покупая все к свадебному столу.

Когда Геник привез первую половину назначенной Марьей оплаты за фиктивный брак, семь с половиной штук баксов, он спросил старуху о Гоське, с которой все-таки хотел познакомиться. Марья позвонила при нем, но Госька ответила, что у нее нет времени на встречи и что они увидятся возле центрального входа в Сити Гол. Марья сказала, что свидетельницей будет Марыся.

Геник проснулся в шесть утра. Достал из кладовки свой костюм... Но, подумав, надел свитер и джинсы, а костюм бросил на кровать. С Госькой они договорились встретиться возле Сити Гол.

Из окна Генику было видно, что китайцы проснулись и готовят себе завтрак. А небо затянули густые тучи. Для празднования свадьбы Зеник купил несколько бутылок виски, наполнил холодильник всякими закусками и двухлитровыми бутылками кока-колы. С улицы принес продолговатый стол, который пристроил возле стены в большой комнате.

— Знаешь, все-таки полька. Все должно быть по-пански, — говорил Зеник.

— Да не знаю... надо ли это?

Бюро, в котором регистрировали браки в Нью-Йорке, находилось на улице Ворс в нижнем Манхэттене рядом с миниатюрным парком.

Госька приехала сюда на такси, а Марыся — на спортивном велосипеде. И Геник, подпирая серый бетонный дом, безошибочно их вычислил, этих двух полек — Гоську и Марысю. Но подходить не торопился. Госька была в роскошном кремовом плаще с темно-синим парижским шарфиком вокруг шеи. Марыся — в джинсах и куртке. Поправив рукой сбитые ветром волосы, Госька прицельным, словно снайпер, взглядом нашла свою жертву.

— Госька. Говорит ли пан по-польски?

— Понимаю, — обронил Геник, продолжая рассматривать свою фиктивную жену.

— А это Марыся, — продолжила Госька, — пан наверняка встречал ее у пани Марьи.

Марыся была той самой девушкой, которая принимала их с Геником у Марьи.

— Ну что, есть у пана паспорт?

— Да, при мне.

— Тогда пошли все оформим — у меня мало времени.

— А я хотел спросить, могла бы ты... сейчас прийти ко мне. Ну, там — выпить-посидеть. Я пацанов пригласил...

— А-а-а для чего? — удивилась Госька.

— Ну, чтобы... будто это наша свадьба... — Геник подбирал слова, — Сфотографировать, ну, для департамента...

— На который час?

— Ну, можно на восемь вечера, пока то да се...

— Хорошо, может, успею.

Все трое прошли еще метров десять, и Госька порывисто открыла массивные двери дома, в котором должно было осуществиться таин-

ство бракосочетания. На каждую пару отводилось минут пятнадцать-двадцать. В большом холле их остановил охранник и попросил показать паспорта, а также записаться в книгу посетителей. Госькин и Марысин паспорта охранник, посмотрев, галантно вручил хозяйкам, а паспорт Геника стал рассматривать внимательно. Госька нервничала, что все затягивается.

— What has happened, sir?¹ — спросила она.

— His passport is invalid and he doesn't have an American visa...

— Excuse me?

— Miss, I told you. His passport doesn't work.²

— Sir, — обратился к Генику охранник. — Your stay in the US is illegal.³

Госька перевела.

— Он говорит, что с твоим паспортом что-то не в порядке.

Поздно вечером Геник приплелся в Боро-парк словно побитый пес. В его глубоком грустном взгляде за день свила себе гнездо такая тоска, что Зеник, который скучал за столом с двумя пацанами и Надеждой — он пригласил ее просто так, — неосторожно пролил бутылку красного вина на белую батистовую скатерть.

— А где Госька? — спросил Зеник.

— Не смогла...

— Понятно, ну, мы... ждали... ждали.

Надежда, жалея Геника, забрала его в тот вечер к себе, и он провел ночь в провалах Надеждиного тела, а утром, бледный, закрыл за собой дверь ее квартиры — сказал, что за сигаретами. Выйдя из дома, зашел в бруклинский дождь и исчез в нем.

И только Зеник, который теперь жил с Надеждой, знал, что Геник в бруклинском сумасшедшем доме еще готовится к своей свадьбе.

Перевод с украинского Натальи БЕЛЬЧЕНКО

¹ — В чем дело, сэр?

² — Его паспорт недействителен, и у него нет американской визы.

— Простите?

— Мисс, я вам сказал: его паспорт недействителен.

³ — Вы находитесь в США нелегально.